

ВОСХОД

2001

Газета выходит
с 22 июня 1941 года

27 апреля
ПЯТНИЦА
№ 17 (6480)

Цена свободная

ГАЗЕТА КИЛЕМАРСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

В потоке дней

Итоги квартала не радуют

Социально-экономическое положение района продолжает оставаться сложным — констатировали на расширенном заседании коллегии администрации района 25 апреля, на котором рассмотрены итоги социально-экономического развития и исполнения бюджета Килемарского района за 1 квартал 2001 года. С докладами выступили ведущий специалист отдела экономики Г.И.Золотарева, начальник инспекции МФ по налогам и сборам по Килемарскому району В.А.Тарханов и начальник финансового отдела А.В.Булкина. С информацией "О ходе выполнения комплексной программы мероприятий по профилактике и стабилизации заболеваемости населения Килемарского района природно-очаговыми инфекциями на 2000-2001 г." познакомил членов коллегии главный санитарный врач по Килемарскому району С.В.Соков.

В работе коллегии приняли участие министр финансов РМЭ Е.Д.Рыжков, депутат Госсобрания РМЭ Н.В.Сорокин, руководители предприятий и организаций, главы администраций сельпоссоветов.

Союз серпа и молота

Накануне весенне-полевых работ первого сезона третьего тысячелетия возрожден союз серпа и молота: промышленники решили протянуть руку помощи сельхозпредприятиям района. Килемарский лесхоз берет под "защиту" Визимьярские промы-

Только до 1 мая и только в редакции газеты проводится **Льготная подписка** на газету "Восход" на второе полугодие 2001 г. по цене 30 рублей.

"Заспонившие смерть"

На снимке: наши земляки — участники ликвидации аварии на Чернобыле

15 лет назад творение рук человеческих — мирный атом обернулся против своего создателя. Чернобыльская трагедия навсегда остается печальной страницей в истории страны. 26 апреля является для ликвидаторов не праздником, а поводом, чтобы напомнить о себе, решить проблемы, встретиться и поговорить друг с другом. Прошло уже 15 лет со дня крупнейшей катастрофы века, но до сих пор в республике нет места

26 апреля — День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах.

поклонения жертвам радиационных аварий. Мы надеемся, оно появится и будет напоминать о великой трагедии, накрывшей черным крылом и нашу Марийскую землю. В ликвидации аварии на атомной станции Чернобыля принимали участие 12 жителей Килемарского района, среди которых были и военнослужащие, и работники мирных профессий. Сегодня некоторых уже нет в живых, двое являются инвалидами.

Я хочу пожелать ликвидаторам, бесспорно мужественным людям, прочного мира, благополучия и, самое главное, крепкого здоровья. Пусть уверенность в завтрашнем дне прибавит силы в преодолении сегодняшних трудностей.

Г.Галкин,
председатель "Союз Чернобыль" по Килемарскому району.

В администрации района

76 процентов владельцев голосующих акций присутствовали 19 ап-

мунэнерго", НПС "Килемары". На 551 тыс. руб. произведены в про-

Почетных грамот и три года подражания — с 1975 по 1977 — присвоены ему значки Победителя социалистического соревнования. И так уж повернула судьба, что человеку, посвятившему многие годы делу мирного созидания, пришлось прийти работать в боевое подразделение и пересесть за руль пожарной машины. Теперь нужно было охранять от огня то, что строил сам и другие. Работа в пожарной части сродни военной службе. Но Николай Иванович даже в самом начале особых трудностей здесь не испытывал. Сказались водительский опыт, отличное знание техники, трудолюбие и дисциплинированность. Такие

ветерана. Но даже после короткого знакомства с ним и с его послужным списком можно сразу сказать: уж он-то вряд ли будет отлеживать на печке бока или просиживать день на скамеечке. Слишком уж много силы и энергии чувствуется в этом новоиспеченном пенсионере. “Чем планируете заниматься дальше?” — спрашиваем мы у завтрашнего пенсионера. Николай Иванович, лукаво усмехнувшись, отвечает: “Дел у меня всегда хоть отбавляй. Семья большая. Всем помогать надо”.

М.Шикин.

Принимая лучи на себя

Я не слышала, как голосили от горя женщины, провожавшие своих мужей на войну. Но я помню слезы своей бабушки, отчаяние и глухую материнскую тоску, когда ее младшего сына хотели отправить в Чернобыль. Она плакала навзрыд и все повторяла и повторяла: “Заберут его, ой, заберут”.

Взрослые от этого известия впали в какое-то оцепенение, а мне хотелось крикнуть: “Не убивайтесь вы так, ведь не война же, там не стреляют. Да и кто может заставить такого большого сильного дядю ехать туда, куда он сам не хочет?!”

Тогда я не знала, что те, на кого пал роковой выбор, призывались через военкомат, что добровольцами среди них были единицы (и то благодаря обещанной кругленькой сумме денег), и что высокое мужественное звание — ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС — многие получали под страхом тюремного заключения.

Именно с этой угрозы начался этот разговор с районным военкомом, когда Геннадий Павлович Федюнин, как добрый солдат запаса, явился по повестке в военкомат. “Отказаться Геннадий ты не можешь, иначе тюремные нары на два года тебе обеспечены”. Тюрьма с ее жестокими законами страшила больше Чернобыля с его мирным атомом, и Геннадий Павлович выбрал далекую, цветущую Украину.

Но сначала был Оренбург. 15 дней их усиленно тренировали, готовили к работе в экстремальных условиях. В Чернобыль они попали в августе, с момента взрыва реактора уже прошло почти три месяца. На больничных койках умирали первые ликвидаторы, а на Украину неистощимыми ручейками со всех концов Советского Союза стекался и стекался людской поток. Не только строители и военные, но и колхозники, шоферы, токари, представители самых разных профессий ехали спасать страну, мир от атомной катастрофы. О том, что им предстоит работать в зоне повышенной радиации, спасатели, конечно, знали. Но насколько она опасна для жизни, вряд ли догадывались. Вся информация об этом тщательно скрывалась.

Геннадий Павлович вспоминает о Чернобыле неохотно, обрывочными фразами, будто с трудом находит слова:

— Вроде местность как местность. Воздух чистый, никаких запахов. Яблони все в яблоках, ветки от тяжести аж до земли гнутся. А вокруг ни одной живой души. Пустые дома, брошенные в спешке вещи, мебель. В некоторых деревнях оставались дожидать свой век старики. Как обычно, копались в своих огородах, отдыхали на скамейках в тени деревьев. Словно не было никакой аварии. Эвакуироваться они наотрез отказывались, мол, нам недолго осталось ходить на белом свете, а умирать все же легче на родной земле. Помню, рядом с поселком, где мы жили, соснычок молодой рос, зайдешь в него — ни одной птицы не слышно. Тишина такая, что даже тошно. Зато грибов в ту осень уродилось видимо-невидимо.

Природа на редкость щедро дарила людям свои сокровища, а те платили ей черной неблагодарностью, пытаясь благодатную землю заковать в бетонные кандалы. Хотя иначе в то время было нельзя, радиация отравила все: и воздух, и воду, и землю. Геннадий Павлович вместе с другими ликвидаторами убирал грунт, расчищал завалы, застилал бетонными плитами территорию вокруг станции. Рабочий день продолжался ровно пять минут. Дольше находиться в радиоактивной зоне запрещалось. Немногочисленные дозиметры, имевшиеся у некоторых из работающих, показывали невообразимые цифры, но они, впрочем, никого не пугали. Это уже спустя несколько лет, когда эпоха гласности приподняла завесу тайны Чернобыля, ликвидаторам стало изве-

стно, что радиационный фон в районе станции в сотни раз превышал норму. А люди работали в одних респираторах, чаще же, по словам Геннадия Павловича, в марлевых повязках. В них они перемещались и по четвертому блоку. Противогазы выдавались лишь тем, кто находился на особо опасных участках, например, на крыше реактора. После работы ликвидаторов вывозили на безопасное расстояние, определявшееся 30-километровой удаленностью от места аварии. Там начиналась обыкновенная мирная жизнь, где они ели (правда, привозную еду), мылись привозной водой, смеялись и мечтали поскорее вернуться домой. Иногда облучившийся организм вдруг давал сбой. От боли раскалывались виски, к горлу подкатывалась тошнота. Сказать, что за здоровьем тех, кто прибыл ликвидировать аварию, пристально следили, значило бы покривить душой. Геннадий Павлович припомнил лишь один случай, когда их возили в какой-то поселок на медосмотр, да однажды заставили проглотить неизвестные пилюли, якобы от облучения.

В октябре Геннадий Павлович, получив изрядную дозу рентгенов, вернулся домой, и снова пахал землю, сеял и убирал хлеб в родном “Броневишке”. Таких, как он, в народе стали называть чернобыльцами. Их считали богатыми людьми, ведь слухи о бешеных заработках в Чернобыле катились вперед славы подвига ликвидаторов. Но Геннадий Павлович на Украине богатства не нашёл, привез с собой 300 рублей, доставшихся ему ценой собственного здоровья. Добросовестно отработав в совхозе 30 лет, недавно ушел на пенсию. Сейчас живет в однокомнатной давно не отремонтированной квартире. Старая мебель да маленький черно-белый телевизор — это все блага, которыми вознаградила его страна за долгую трудовую жизнь.

А Чернобыль до сих пор живет в каждом из них. Не дает забыть частыми болезнями и известиями о безвременном уходе из жизни близких друзей. Вот только высокие слова — герой, подвиг, мужество — Геннадий Павлович произносит лишь тогда, когда в день памяти чернобыльцы поднимают первый тост за погибших, за тех, кто собой защитил мир от Чернобыльской катастрофы.

Л.Толстова.